

Post-Древняя Русь

Этот сборник открывает серию публикаций Германского исторического института в Москве: «Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени». Он посвящен тому, как восточные славяне, а также политические и интеллектуальные элиты государств, между которыми они оказались разделены в конце XV – середине XVIII в., инструментализировали наследие Древней Руси в поисках новых надрегиональных идентичностей в условиях разнонаправленных векторов исторического развития и взаимодействия многообразных регионализмов.

Сборник подготовлен в рамках проекта Германского исторического института в Москве «Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей (кон. XV – сер. XVIII вв.) в контексте зарождения современных наций в Европе». Главный его вопрос – можно ли применительно к концу XV – середине XVIII вв. говорить о началах современного национального самосознания у русских, украинцев и белорусов, соответственно складыванию у них ранне-модерных автохтонных национальных мифологий. И если да, то насколько повлияли на них западные идеи, дискурсы и модели.

Древняя Русь после Древней Руси:
дискурс восточнославянского (не)единства

Post-Древняя Русь

Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства

Post-Древняя Русь:
у истоков наций Нового времени

Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства

Ответственный составитель
А. В. Доронин

Ответственный редактор серии
А. В. Доронин

Москва
РОССПЭН
2017

«РУСЬ» И «ЛИТВА» ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО В XVI–XVII ВВ.
КАК ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
И СОЦИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ

Казус Скорины

В 1504 г. в первое ректорство Яна Приятеля из Кракова (Jan Przyjaciel z Krakowa / Johannis Amicini de Cracouia) в Краковский университет записался Франциск, сын Луки из Полоцка, он внёс одну из самых скромных плат за учебу – 2 гроша: “Franciscus Luce de Ploczko 2 gr”¹ (ил. 1). Все студенты обозначались в университетской метрике не по стране, выходцами из которой были, а по городу, из которого приехали, – Краков, Львов, Волковыск, Нойштадт и др. Но уже в актовой записи Краковского университета от 14 декабря 1506 г. о присвоении степени бакалавра artes liberales Франциск из Полоцка был обозначен как «литвин»: “Fran[ciscus] de Poloczko Litphanus”².

После учебы в Краковском университете в биографии будущего белорусского первопечатника случится еще и экзамен на получение степени доктора медицины в Падуанском университете. В актовых записях университета 5, 6 и 9 ноября 1512 г. и протоколе Падуанской епископальной курии от 9 ноября 1512 г. Франциск Скорина фигурирует как «русин»: “Franc[iscu]s q[uo]nd[am] d[omi]ni Luce

---

¹ Biblioteka Jagiellońska (Kraków). Rkp. 258: Metryka Uniwersytetu Krakowskiego z lat 1400–1508. S. 500; Metryka Uniwersytetu Krakowskiego z lat 1400–1508: Biblioteka Jagiellońska, rkp. 258 / wydali: Antoni Gąsiorowski, Tomasz Jurek, Izabela Skierska; przy współpracy Ryszarda Grzesika. Kraków: Tow. Nauk. “Societas Vistulana”, 2004. T. I: Tekst. S. 612.

² Францыск Скарына: Зборнік дакументаў і матэрыялаў / прадмова, укладанне, каментары, паказальнікі В. І. Дарашкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1988. С. 58.

Scorina de Poloczko, Ruthenus»; “Tentatiuu[m] in Medicinis, d[omini] magistri Franc[isci], Rutheni”³.

Как русин Франциск Скорина фигурировал и в последний, пражский, период своей жизни. В 1541 г. чешский хронист Вацлав Гаек из Либочан по горячим следам опубликовал книжицу о катастрофическом пожаре, случившемся 2 июня 1541 г. в Праге на Малом Месте, на Граде св. Вацлава и на Градчанах. Вацлав Гаек сообщал, что в доме ксендза Яна из Пухова погиб «мальчик Франтишек, сын некоего доктора Руса» (“pacholátko František, syn někdy doktora Rusa”)⁴. Считается, что под «доктором Русом» здесь подразумевается именно доктор Скорина.

Эта догадка подтверждается грамотой короля Фердинанда I от 29 января 1552 г., выданной сыну Франциска Скорины Симеону. В ней королевский садовник Франтишек Рус Скорина и его сын Симеон Рус идентифицированы весьма точно: “niekdy doctor Frantisek Rus Skoryn s Poloczko, zahradnik nass, w tomto kralowstwij Czeskem jsa czyzozemecz, z tohoto swieta sessel a po sobie syna Symeona Rusa... zanechal”⁵. Из этого текста следует, что этническое обозначение «рус» стало антропонимом как в отношении самого Франциска Скорины, так и его сына Симеона. Но на этом трансформация экзоэтнонимов не прекратилась.

Чешский хронист Вацлав Бжезан, сообщая под 1577 г. о смерти крумлевского священника Иржика Четла, указывает, что тот «пользовался услугами лекаря, какого-то поляка Симеона по фамилии Рус с Полоцка»: “Užíwal lékaře nějakého Poláka Simeona, přijmĕním Rusa, z Polocka”⁶. Очевидно, что Симеон выступает тут «поляком» как подданный короля польского и великого князя литовского. Для Чехии первостепенное значение имело соседство с Польшей, что обусловило подобное восприятие происхождения Симеона.

Таким образом, Франциск Скорина в разных источниках мог выступать и как «русин», и как «литвин», а его сын Симеон – и как «поляк». Следует отметить, что во всех этих случаях мы имеем дело с внешними этнонимами или политонимами. Один и тот же человек мог выступать под разными этническими маркерами государств Ягеллонской унии. Возможно ли провести классификацию этнических сообществ Великого княжества Литовского, исходя из представлений самих его жителей?

³ Франциск Скарына... С. 63, 66, 68–69, 72.

⁴ *Hájek z Libočan, Václav*. O nešťastné příhodě, kteráž se stala skrze oheň v Menším Městě Pražském a na Hradě Svatého Václava i na Hradčanech. Praha, vyd. B. Netholický, 1541. S. 6v; Франциск Скарына. С. 184.

⁵ Франциск Скарына. С. 185.

⁶ Там же. С. 187.

Государство, возникшее в середине XIII в. и известное нам после титулаторно-династической реформы Витовта – Ягайло как Великое княжество Литовское⁷ [более широкие версии названия – Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское; Великое княжество Литовское и Русское; (далее – ВКЛ)] в смысле региональном, конфессиональном и этническом было многокомпонентной структурой. Можно говорить о существовании на протяжении XV–XVII вв. нескольких основных регионов, среди которых в первую очередь выделяются «Русь» и «Литва». Эти два региона не имели четких границ между собой, но именно они в первую очередь и составляли ядро государства. Серьезной научной проблемой остается смысловое наполнение этих терминов. Рассмотрим, что же представляли собой эти условные (ментальные?) или реальные образования.

«Русь» Великого княжества Литовского

Многокомпонентность ВКЛ была ясна уже для многих историков XIX в. Так, профессор Киевского университета им. св. Владимира Николай Дашкевич, который во многом полемизировал с Владимиром Антоновичем⁸, отмечал, что «и в первой половине XIII в. не всегда имела место политическая разрозненность, а развивалось нечто вроде федерации, в которую входили Литва и Жмудь», а позже вошли и «русские земли»⁹.

Российский историк Матвей Любавский был первым, кто поставил вопрос о значении терминов – названий разных регионов («областей») ВКЛ¹⁰. По его мнению, ВКЛ («Литовско-Русское государство») образовалось в результате объединения «собственно Литовской земли», а также «русских земель». В числе последних Любавский выделял территории:

1) которые попали под контроль Литвы еще в XIII в. и полностью слились с «Литовской землей», став к XVI в. также частью «Литвы» (Верхнее Понеманье, т. н. Черная Русь от Гродно до Новогрудка, а также район Браслава);

⁷ Дзярнович А. І. Фрэскі гісторыі: артыкулы і эсэ па гісторыі і цывілізацыі Беларусі і Цэнтральна-Усходняй Еўропы. Мінск: РІВШ, 2011. С. 24–72.

⁸ Антонович В. Б. Монография по истории Западной и Юго-Западной России. Киев. Типография Е. Я. Федорова, 1885. Т. 1.

⁹ Дашкевич Н. П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885. С. 11.

¹⁰ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута: Исторические очерки. М.: Университетская типография, 1892. С. 1–26.

2) которые тесно примыкали к «собственно Литовской земле» – «земля Берестейская или Подляшье», «Литовское Полесье», «Литовская Русь в отдельном, частном смысле»;

3) которые имели привилегии на определенное самоуправление – Полоцкая, Витебская, Смоленская, Киевская, Волынская и другие политически обособленные (автономные) земли.

Под «Литовской Русью в отдельном, частном смысле» Любавский понимал группу волостей по среднему Днепру, Березине и Сожу: Бобруйскую, Борисовскую, Кричевскую, Любошанскую, Менскую, Мстиславскую, Пропойскую, Речицкую, Свислочскую и некоторые другие. Вместе с «Литовской землей», «Берестейской землей» и «Литовским Полесьем» они входили в состав Виленского и Трощского воеводств XV – начала XVI в. – Великого княжества Литовского «в узком смысле».

Говоря о подчинении Подвинской и Поднепровской Руси литовским князьям, историк отмечал, что «западная Русь не только не теряла своего исторического наследия, но и передавала его господствующей земле, которая сама во многом устраивалась по образцу этой Руси»¹¹.

Выводы Любавского были значительным шагом вперед в изучении этимологии названий различных областей и регионов ВКЛ по состоянию на первую четверть XVI в. Его критики справедливо отмечали, однако, что названия «Литовская Русь» и особенно «Черная Русь» были внешними терминами, они не использовались самими жителями этих регионов. Кроме того, Любавский не решил вопроса о принадлежности к «Руси» XVI в. Витебской и Полоцкой земель. Вячеслав Носевич и Михаил Спиридонов объясняли это ограниченным числом использованных Любавским источников¹².

Взгляды Любавского на соотношение «Литвы» и «Руси» в ВКЛ разделял и польский историк Станислав Кутшеба¹³. А вот его соотечественник Оскар Халецкий дал свою интерпретацию понимания «Руси» ВКЛ. Он полагал, что всю территорию Виленского и Трокского воеводств до административной реформы 1565–1566 гг., включая Поднепровские и Подвинские волости, современники считали «Литвой», а под «Русью» или «Русью Литовской» понимали только автономные земли (Полоцк, Витебск, Киев, Волынь и т. д. – «аннексы»),

¹¹ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута: Исторические очерки. С. 34.

¹² Насевич В., Спирыдо́наў М. «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. // 3 глыбі вякоў. Гісторыка-культуралагічны зборнік. Т. 1. Мн., 1996. С. 5.

¹³ Kutrzeba S. Historia Polski w zarysie. Wyd. 2. T. 2: Litwa. Lwów; Warszawa, 1921. S. 5–7.

«федеративный» статус которых определялся великокняжескими привилегиями¹⁴. Интерпретация Халецкого объяснялась прежде всего набором источников, на которые он опирался, – преимущественно законодательных актов; при этом он практически игнорировал многочисленные случаи употребления терминов «Русь» и «Литва» в менее «статусных» документах как публичного, так и частного характера, например в хозяйственных и судебных, а также дневниках и частной переписке и др.¹⁵ Вспомним, например, про владения Скиргайлы, сохранившего за собой при заключении Кревской унии (1385) право на православное вероисповедание. В конце его жизни, в 1393–1396 гг., когда ему при содействии Ягайло и Витовта удалось завоевать Витебск, Киев, Овруч, Житомир, они как раз и составляли «Русь», отличную от «Литвы», где после Островского соглашения (1392) правил Витовт.

Но к каким выводам относительно разграничения Руси и Литвы можно прийти, основываясь на делопроизводственной документации ВКЛ XVI–XVII вв. – официальных государственных и частных актов: завещаниях, заявлениях-жалобах, инвентарях, инструкциях, приказах, реестрах (залоговых, продажных, судебных и т. д.), сеймовых постановлениях («ухвал»), «Устава на волоки» 1557 г., переписи («пописы») войска ВКЛ 1528, 1567 г. Подобные исследования проводились в рамках изучения социальной истории¹⁶. В результате к «Руси» в узком (географическом) значении было отнесено 122 населенных пункта, которые занимали исключительно восточную часть Беларуси. Особенно часто «русские» дворы и села локализируют в верховьях Березины (Днепровской) и в северной части Оршанского повета – именно там находилось много магнатских и шляхетских вотчин, собственники которых одновременно владели именьями в других регионах ВКЛ¹⁷ (ил. 2).

Именно это обстоятельство – широкая география распространенных имений – вынуждало шляхту и писарей использовать при описании своих владений региональные маркеры. В этом смысле у полоцких и витебских бояр не было большой необходимости определять свои имения как «русские», так как они и так находились в исторической Руси. Это позволяет понять принцип региональной маркировки

¹⁴ Halecki O. Litwa, Ruś i Zmudź jako części składowe Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kraków, 1916. S. 7–25.

¹⁵ Насевич В., Спирыдо́наў М. «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага. С. 7.

¹⁶ Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.). Минск: Навука і тэхніка, 1993. Приложение.

¹⁷ Насевич В., Спирыдо́наў М. «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага. С. 11.

топонимических объектов в противовес другим именам, находящимся в традиционно понимаемой «Литве».

Но в подобной позитивистской методике есть и свои подводные камни – из проблемного поля такого исследования практически полностью выпадает Украина. По мнению авторов исследования, контекстуально название «Русь» встречается в источниках наравне с другими названиями регионов ВКЛ – Литва, Жмудь, Волинь, Киевщина, Подолия, Подлясье, Полесье¹⁸. Но интерпретация этих названий порождает проблемы археографического плана. Как известно, в текстах XVI в. редко встречаются знаки пунктуации. Исследователям надо быть осторожными, проставляя в старых текстах, например, запятые. Вот, например, как воспроизводится в издании начала XX в. цитата из послания Сигизмунда Августа от 1569 г. к своим воеводам и наместникам о том, что крымский хан “umysleł... ziemie nasze Ruskie, Podolskie, Kijowskie i Wołyńskie wojować”¹⁹. В приведенной формуле, когда после обозначения «русские» стоит запятая, может создаться впечатление, что украинские территории упоминаются отдельно от Руси как региона. Но мы знаем, что именно украинские «русские» земли были в первую очередь объектом нападений крымских татар. Возможно, определение «русские» в данном документе как раз и относится к украинским регионам, а не противопоставлено им.

В плане же разграничения регионов «Литва» и «Русь» в ВКЛ можно сделать следующие наблюдения. Еще в середине XVI в. граница между «Литвой» и «Русью» проходила по западной границе Полоцкой земли и далее в окрестностях Логойска и Менска. И если в конце XIV в. «Литовская земля» еще не охватывала район Менска, то в XVI в. этот воеводский центр уже принадлежал к «Литве». По наблюдениям Спиридонова, в XVI в. к «Литве» относились поветы Виленский, Вилькомирский, Ковенский, Троцкий, Упицкий, Браславский, Волковысский, Городенский, Лидский, практически целиком Ошмянский и Слонимский, большая часть Новогородского и западная часть Менского²⁰. Носевич и Спиридонов высказали мнение, что поглощение «Литвой» части Минщины связано, возможно, с распространением на ней новой системы обложения («литовской

¹⁸ Насевич В., Спирыдонай М. «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага. С. 9.

¹⁹ Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie. Т. 7: 1554–1572. Dyplomatarysz gałęzi Niesuchojeżskiej. Т. 2. Lwów, 1910. S. 350. Nr. 280.

²⁰ Спиридонов М. Ф. «Литва» и «Русь» в Беларуси в XVI в. // Наш Радавод. Ч. 7. Гродно, 1996. С. 208.

службы»)²¹. Таким образом, одним из основных признаков размежевания по состоянию на середину XVI в. была преобладающая там система повинностей зависимых крестьян. В «Литве» это преимущественно барщина (отработочная повинность), на «Руси» – традиционно натуральная и денежная дань (с середины XVI в. частично приобретающая форму чинша), что особенно ярко проявляется при анализе земельной собственности феодалов, имевших земельные владения как в «литовской», так и в «русской» частях ВКЛ.

Таким образом, можно сделать главный вывод: граница между «Русью» и «Литвой» не совпадала ни с этнической (в современном понимании), ни с административной границей (воеводств и поветов). «Русь» ВКЛ охватывала только часть территории, населенную «русскими» – потомками Киевской Руси. Жители других регионов – Верхнего Понемонья, Побужья, бассейна Припяти – также исповедовали православие, использовали «русскую мову» (варианты старобелорусского языка), но эти земли назывались «Литва», «Подлясье», «Полесье». По административному делению ВКЛ в дореформенный период (до 1565 г.) «Русь» охватывала некоторые «федеративные» земли (с начала XVI в. воеводства) – Полоцкую и Витебскую, а также восточную часть Виленского воеводства, в т. ч. Борисовскую волость, которой непосредственно управлял воевода. «Русь» включала и волости, которые со времен Ольгерда и Кейстута имели двойное подчинение – Вильне и Трокам²²: Бобруйскую, Любошанскую, Свислочскую (бассейн днепровской Березины). Новое административно-территориальное деление (от 1565–1566 гг.) также не соответствовало границам «Руси», поделенной между Полоцким, Витебским (с Оршанским поветом), Мстиславским воеводствами, Речицким и Мозырскими поветами²³. Западная окраина «Руси» попадала в Менский и Новогородский (Новогрудский) поветы. Эти выводы входят в противоречие с мнением белорусского этнолога Михаила Пилипенко о том, что в XVI в. термин «Белая Русь» определял всю этническую территорию белорусов²⁴.

Можно предварительно подытожить: на рубеже XVI–XVII вв. жители ВКЛ выделяли следующие регионы: Жмудь, Литва (Вильно, Новогрудок, Менск), Русь (от Полоцка на севере до Любеча на юге), Полесье (Пинск, Мозырь, Овруч), Подлясье (Берестье, Доро-

²¹ Насевич В., Спирыдонай М. «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага. С. 13–14.

²² Любавский М. К. Областное деление. С. 13–14, 103–106.

²³ Насевич В., Спирыдонай М. «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага. С. 14.

²⁴ Пилипенко М. Ф. Возникновение Белоруссии: новая концепция. Минск: Беларусь, 1991. С. 105–106.

гичин, Бельск), Киевщина (Украина), Волынь, Подолье, Подгорье. Кроме того, в географических представлениях жителей Поднепровья сохранялся рудимент древнего деления на «верх» и «низ»²⁵ (ил. 3).

«Литва» Великого княжества Литовского

Не менее сложной остается ситуация с дефинициями «Литвы» в Великом княжестве Литовском. В XIV–XVI вв. название «Литва» имело значение политонима и использовалось для обозначения всего государства, подвластного правящей династии Гедиминовичей – Ягайловичей. Ареал бытования названия в этом смысле совпадал с государственными границами и изменялся вместе с ними безотносительно их этнической составляющей. Но параллельно существовало региональное значение (хороним) названия «Литва», отличавшее ее от Жмуди и «Руси»²⁶.

Происхождение значения названия «Литва» как хоронима можно объяснить двояко. С одной стороны, это были территории, которые прочно входили в состав ВКЛ с момента образования государства в отличие от других земель, которые либо были присоединены позже, либо временно выходили из-под власти литовских князей (Полотчина, Жмудь). Но не исключено, что «Литва» дополнительно ассоциировалась с территорией дисперсного расселения балтов (даже в виде небольших анклавов). Одновременно в Трокском и Виленском поветах (в меньшей степени в Вилькомирском) источники фиксируют значительную долю «русского» (восточнославянского) населения. В таком случае «Литва» приблизительно соответствует территории, на которой происходил балто-славянский синтез (ассимиляционные процессы)²⁷. В отличие от «Литвы» название «Русь» обретает характер метаэтнонима – общего названия нескольких этносов, которые начали тогда формироваться. Одновременно в XVI в. название «Русь» использовалось и как региональное – применительно к Восточной Беларуси²⁸. Фактически это тот регион, за которым в XVII в. закрепилось название «Белая Русь».

С учетом всего комплекса факторов социальной, экономической и политической истории последние исследования привносят в по-

²⁵ Łatyszonek O. Od rusinów białych do białorusinów: U źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok, 2006. S. 112.

²⁶ Насевіч В. Л. Беларусь: станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя. Смаленск: Інбелкульт, 2015. С. 101.

²⁷ Там же. С. 101.

²⁸ Там же. С. 96.

нимание терминов «Литва» и «Русь» социокультурные и цивилизационные составляющие²⁹. «Политическая Литва» середины XVI в., которую можно также назвать «коллективным доменом политического народа Литвы», – неоднородная в этническом и конфессиональном отношении, с существенной долей православного русинского населения на юге и востоке княжества, предстает во многом отличной от «Руси» в следующих правовых и социальных аспектах:

- здесь гораздо более развито частное землевладение, старинные волости в значительной мере подверглись разрушению;

- подавляющее большинство частных земельных владений принадлежит привилегированному сословию – «политическому народу Литвы», шляхте католического вероисповедания, по большей части этнического литовского происхождения;

- отличается система повинностей феодально-зависимого населения, по крайней мере после проведения аграрной реформы 1550-х гг. (в «Литве» это преимущественно барщина, на «Руси» — традиционно натуральная и денежная дань, позднее также чинш);

- на всей территории «политической Литвы» интенсивно развивается сеть католических парафий (приходов), включая и периферийные районы с преобладанием православного населения, в то время как в соседней «Руси» костелы основываются крайне редко и только в крупнейших городах, где имелись экстерриториальные общины католиков;

- цивилизационное преобладание католицизма облегчает рецепцию западноевропейских правовых норм, прежде всего магдебургского права в городах и местечках «Литвы»; магдебургское право в «Руси» распространяется только в нескольких крупных городах;

- во многих городах «Литвы» имеются легально оформленные иудейские общины;

- ни правительство, ни подданные не апеллируют здесь к «русской старине»;

- вся территория «Литвы» свободна от любых формальных обязательств по отношению к Орде и Московскому государству.

Эти достаточно резкие отличия «Литвы» от «Руси», которые не подвергались сомнению вплоть до начала Ливонской войны, в ходе которой выявилась острая угроза утраты Руси в пользу Московского государства, заставившая правителей ВКЛ, а затем Речи Посполитой отказаться от попечения «русской старины» и перейти к динамичному распространению перечисленных принципов устройства общества на всю территорию ВКЛ, что в целом и было достигнуто

²⁹ Белы А. Хроніка Беларускай Русі: імагалогія Беларусі XII–XVIII стст. 2-е выд., папраўл. і дапоўн. Смаленск: Інбелкульт, 2013. С. 158–178.

к концу XVII в.³⁰ В этом смысле можно говорить, что все ВКЛ к концу существования его как самостоятельного государства стало «Литвой» (хотя смысл этого понятия претерпел существенное изменение по сравнению с XIII–XVI вв.), что выразилось в первую очередь в поглощении «политическим народом Литвы» православной русинской шляхты, не выдвинувшей альтернативной политической программы, кроме сохранения «старины».

«Литва» и «Русь»: этнокультурное наполнение терминов

Предыдущие наблюдения относились к сфере регионального и отчасти социального разграничения. Но нам ведь важно и этническое наполнение терминов «Литва» и «Русь». Речь идет о восточной границе этнических литовцев в эпоху Средневековья³¹. В древнерусские времена эта граница проходила примерно по линии: оз. Освейское – Дисна – Плиса – Будслав – Заславль – Рубежовичи – Деревная – Белица – Слоним – Волковыск. К XIV в. она передвинулась с левого на правый берег Немана, т. е. на северо-запад, и проходила теперь примерно параллельно руслу этой реки, это т. н. линия Сафаревича, устанавливающая границу концентрации поселений с названиями на *-ишки*³².

Если перейти от темы разграничения к проблеме надрегиональных идентичностей, то тут больше вопросов, чем ответов. Существует консенсус относительно использования политонима «Литва»/«литвин» для всех подданных ВКЛ³³. Но остается предметом дискуссии распространение этого экзотонима (внешнего этнонима) на всех жителей ВКЛ, прежде всего на предков современных литовцев и белорусов.

Георгий Голенченко критически относится к пониманию этнонима «литвины» как эндоэтнонима (самоназвания) белорусов из т. н. исторической Литвы или западных земель Беларуси. Исследователь отмечает, что в источниках XIV–XVI вв. можно найти по край-

³⁰ Бель А. Хроніка Беларускай Русі: імагалогія Беларусі XII–XVIII стст. С. 178.

³¹ Łowmiański H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983. S. 51–58; Ochmański J. Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennnej do XVI w. Poznań, 1981.

³² Safarewicz J. Studia językoznawcze. Warszawa, 1967. S. 257–259.

³³ Чаквин И. В., Терешкович П. В. Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV – начало XX в.) // Советская этнография. 1990. № 6. С. 44–45.

ней мере восемь разных значений термина «Литва». Наиболее распространенными являются четыре, где «Литва» фигурирует как

1) маркер государственно-политической принадлежности литовцев, белорусов, украинцев и представителей других этносов, населяющих ВКЛ;

2) географическое обозначение западной части ВКЛ, в XVI в. охватывающей воеводства Виленское и Троцкое;

3) «собственно литовский этнос» (преимущественно на территории Аукштайтии);

4) литовский этнос в более широких границах, включая балтов Подляшья и западных земель Беларуси.

Политоним или территориально-политическое определение белорусов как «литвинов» в тот период не переросло в эндоэтноним. Эндоэтнонимом предков современных белорусов и украинцев в XIV–XVI вв., а в определенной степени и позже, по мнению Голенченко, был термин «Русь» («люди русские», «русины»). Исторической «Русью» в границах ВКЛ считались территории к востоку от Минска, в то время как сам этот эндоэтноним распространялся на весь белорусский (и восточнославянский!) этнос, в т. ч. на Подляшье³⁴. До Реформации основные этносы и этнические группы ВКЛ сохраняли в основном свою монорелигиозную структуру, причем под «русской» верой понимали православие. В результате Реформации и после Брестской унии в кругах белорусской и украинской интеллигенции, образованных шляхты и мещанства укоренилось новое самосознание, основанное в большей степени на «этнодифференцирующих» компонентах – происхождении, «крови», языке.

К нескольким иным выводам пришел Носевич. По его мнению, в XVI в. термин «Русь» имел два значения. С одной стороны, это был суперэтноним, общее название всех народов, которые возникли на территории Киевской Руси. Как и украинцы, предки современных белорусов назывались «русскими», «русинами» не потому, что отождествлялись с подданными Московской Руси, а потому, что считались потомками и наследниками Руси IX–XIII вв. Термин «русины» имел, кроме того, конфессиональное значение – православие было «русской» верой. С другой стороны, понятие «Русь», как и «Литва» и «Полесье», было субэтнонимом – названием одной из частей этнической территории белорусов. Эта «Русь» располагалась над Двиной и Днепром на восток от линии Браслав – Логойск – Петриков. Таким образом, названия «Литва» и «Русь» были субэтнонимами для части белорусов и литовцев³⁵. Ни белорусы, ни литовцы не знали са-

³⁴ Галенчанка Г. Я. Царква, канфесія і нацыянальная свядомасць беларусаў у XV–XVI стст. // Наш радавод. Кн. 4. Ч. 1. Гродна, 1992. С. 45–48.

³⁵ Носевич В. Л. Беларусы. С. 125.

моназвания, которое охватывало бы полностью их этническую территорию, самоназваний на уровне этносов не существовало.

Игорь Марзалюк собрал и систематизировал обширный материал и пришел к выводу, что понятия «Литва», «литвины» и «Русь», «русины» в XVI в. относились к разным этническим группам. Важным тут выглядит противопоставление в документах «языка литовского» и «языка русского». По наблюдениям Марзалюка, нигде, кроме Вильно, Трок и Гродно, не проводится в «мейских» (городских магдебургских) книгах противопоставления этих народов. Обычно для разграничения католиков и православных здесь используются такие понятия, как «закон римский» / «вера лядская» vs «закон грецкий» / «вера руская»³⁶. Для Марзалюка предками белорусов являются только русины ВКЛ.

Публикация этой книги Марзалюка вызвала оживленную дискуссию. Довольно резкой и пространной рецензией отозвался на нее Генадзь Саганович, который назвал глубоко ошибочной исходную установку Марзалюка о тождественности этнического и конфессионального. Саганович считает, что Марзалюк использует «двойной стандарт, смешивая этнонимы и конфессионимы»³⁷. Одновременно Саганович утверждал: «Если не подбирать источники только под свою конструкцию, то нетрудно увидеть, что термин “Русь” в те времена использовался как самоназвание и в Московском государстве, и на православных землях Речи Посполитой. Но, хоть элита Украины и Беларуси стремилась монополизировать права на его использование, она хорошо представляла религиозно-культурное родство с великоруссами»³⁸. основополагающая мысль Сагановича в этой дискуссии созвучна идеям Носевича – единого самоназвания белорусов во времена ВКЛ не существовало. «Коллективная идентичность, – пишет Саганович, – тогда и не могла быть единой, так как человеческие сообщества обычно владеют разноуровневой системой самоотождествления. В одном этносе могло существовать несколько форм самоидентификации». И далее: «В ВКЛ, думаю, можно было одновременно быть и “литвином”, и “русиним” – это не вызвало конфликта в сознании того времени, и только в индустриальном обществе одновременная принадлежность к нескольким нациям стала невозможной»³⁹.

³⁶ Марзалюк І. А. Людзі даўняй Беларусі: Этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.). Магілёў: МДУ імя А. Куляшова, 2002. С. 56–58.

³⁷ Сагановіч Г. Прывід нацыі ў імгле стэрэатыпаў // Беларускі Гістарычны Агляд. Т. 10, сшытак 1–2, снежань 2003. С. 294.

³⁸ Там же. С. 296.

³⁹ Там же. С. 297–298.

Обобщая разные версии этнической идентификации, Олег Латышонок считает: «Исторические источники, касающиеся всей территории, на которой позже сформировались белорусы, рядом с русинами называют также литвинов в значении этническом»⁴⁰.

Но следует сказать еще об одном измерении термина «литвин». Речь идет о своеобразном культурном метисировании, когда люди «балто-русского» происхождения исповедовали православную веру и были включены (и осознавали это) в сферу «русской» культуры (и шире *Slavia orthodoxa*)⁴¹. Возможно, именно на примере этой социокультурной группы Матей Стрыйковский в своей «Хронике польской, литовской, жмудской и всей Руси» (1582) относил «литвинов» к семье славянских народов. Этот феномен скрещивания «литовских» и «русских» компонентов в поэтической форме проиллюстрировал Ян Казимир Пашкевич. Об этом поэте конца XVI – начала XVII в. сохранилось совсем мало биографических сведений. Весьма вероятно, что именно он был слугой Канцелярии ВКЛ, 18 августа 1631 г. номинированным за свою службу на скарбовое дворянство⁴². Тогда становится понятным, почему во владении Пашкевича находилась рукопись Статута ВКЛ 1529 г., известная как Слуцкий список. В рукописи «рукою властною» поэт-канцелярист записал 22 августа 1621 г. стихотворные строки, ставшие программными для белорусской культуры раннего Нового времени⁴³:

*Пол(ь)ска квітнет лациною,
Литва квітнет русчиною;
Без той в Пол(ь)ще не прэбудеш,
Без сей в Литве блазном будзеш.
Той лацина езык дае,
Та без руси не вытраве.
Ведзь же юж русь, іж тва хвала
По всем свете юж дойзрала.*

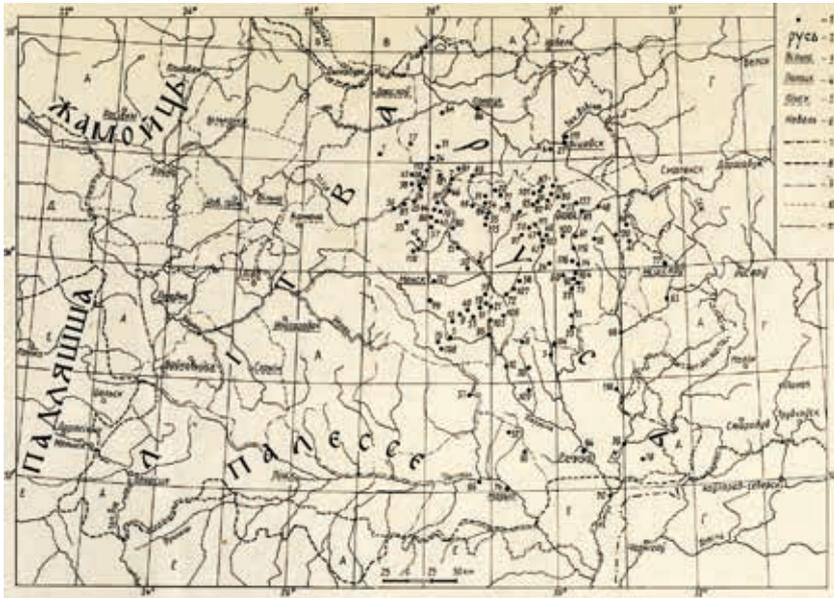
⁴⁰ Łatyszonek O. Od rusinów białych do białorusinów. S. 117.

⁴¹ Левшун Л. Концепт «литвины» в этнокультурном самосознании белорусов. Свидетельства письменных источников XIV–XVII веков // Беларуская думка. 2009. № 11. С. 105.

⁴² Галубовіч В. Матэрыялы па гісторыі скарбу ВКЛ у кнігах запісаў за перыяд праўлення Уладзіслава IV Вазы // Białoruskie Zeszyty Historyczne: Беларускі гістарычны зборнік. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2002. Z. 17. С. 74.

⁴³ Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург). Q 11.51. (Статут ВКЛ 1529 г.). Л. 13; Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; падрыхт.: А. І. Богдан і інш.; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. Мн.: Бел. навука, 2003. С. 691.

Ил. 2. «Литва» и «Русь» Великого княжества Литовского в XVI в. (по результатам исследований Михаила Спиридонова и Вячеслава Носевича).

Условные обозначения:

- 1 – населенные пункты на «Руси»;
- 2 – названия историко-географических регионов;
- 3 – столица ВКЛ;
- 4 – центры воеводств ВКЛ;
- 5 – центры поветов ВКЛ;
- 6 – крупные города;
- 7 – граница ВКЛ и Речи Посполитой с Российским государством;
- 8 – границы между ВКЛ и Польшей в составе Речи Посполитой;
- 9 – границы воеводств ВКЛ;
- 10 – границы поветов ВКЛ;
- 11 – современные государственные границы;
- А – Великое княжество Литовское;
- Б – Герцогство Курляндское и Земгальское;
- В – Задвинское герцогство (Инфлянтское воеводство);
- Г – Российское государство;
- Д – Прусское герцогство;
- Е – Польское королевство.

Ил. 3. Историко-географические регионы Великого княжества Литовского в XVI в. (по данным Олега Латышонка).

--- государственные границы в середине XVI в.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение к сборнику	5
Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей (конец XV – середина XVIII в.) в контексте зарождения современных наций в Европе. Идея проекта	13
<i>Мартынюк А. В. (Минск, Беларусь).</i> Древняя Русь после Древней Руси: к теоретической постановке проблемы	29
<i>Штайндорфф Людвиг (Киль, Германия).</i> Наследие Киевской Руси в восприятии «западных» авторов раннего Нового времени	38
<i>Одесский М. П. (Москва, Россия).</i> Максим Грек и Петрарка («Слово о нестроениях и бесчиниях»)	49
<i>Конявская Е. Л. (Москва, Россия)</i> Тверь в XV веке: грезы о прошлом и будущем	57
<i>Полехов С. В. (Москва, Россия).</i> Литовская Русь в XV веке: единая или разделённая? (На материале конфликтов между русскими землями Великого княжества Литовского и государственным центром)	70
<i>Кяупене Юрате (Вильнюс, Литва).</i> Проблема самоидентификации русинов в контексте зарождения раннемоде­р­ной нациогенетической мифологии Великого княжества Литовского	93
<i>Воронин В. А. (Минск, Беларусь).</i> «Свиток Ярославль» в церковной и интеллектуальной жизни Великого княжества Литовского конца XV – первой трети XVII в.	106
<i>Дзярнович О. И. (Минск, Беларусь).</i> «Русь» и «Литва» Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв. как этноконфессиональные и социально-географические регионы	119

<i>Ульяновский В. И. (Киев, Украина).</i> Старая, Литовская, Речь­по­спо­лит­ская и Московская Русь в представлениях двух князей Константинов Острожских и творцов острожской книжности	133
<i>Домбровски Дариуш (Быдгощ, Польша).</i> Поиски древнерусских предков со стороны семей ВКЛ и Московии XVI – первой половины XVII в. (избранные примеры)	170
<i>Рахимзянов Б. Р. (Казань, Россия).</i> Ордынское наследие и историческая память Московской Руси: могли ли татары стать фактором восточнославянского дискурса? (заметки на полях)	184
<i>Дмитриев М. В. (Москва, Россия).</i> Православное и «русское» в представлениях о «русском народе» Речи Посполитой (конец XVI – середина XVII в.)	193
<i>Граля Хероним (Варшава, Польша).</i> «Ruś nasza» vs. Московия. Наследие Древней Руси как инструмент дипломатии Польско-литовского государства XVI – первой половины XVII в.	215
<i>Опарина Т. А. (Москва, Россия).</i> Немосковское православие в оценке русских духовных властей: каноническое право и церковная практика (1620-е гг.)	242
<i>Саганович Г. Н. (Минск, Беларусь).</i> Брестский игумен А. Филиппович и виленский архимандрит А. Дубович: о самоидентификации двух русинов XVII в.	253
<i>Синкевич Н. А. (Киев, Украина; Тюбинген, Германия).</i> Два вектора православной идентичности в Украине XVII в.? Москва и москвиты в двух произведениях Могилянского времени.	272
<i>Бовгиря А. М. (Киев, Украина).</i> «Хозары во козаки именуются посем»: этногенетические концепты в украинских текстах XVII–XVIII вв.	291
<i>Ткачук В. А. (Киев, Украина).</i> Гетман Иван Мазепа и актуализация культов древнерусских святых.	307
<i>Стефанович П. С. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Легенда о призвании варягов в историографии XVI–XVII вв.: от средневековых мифов к раннемоде­р­ным	326
<i>Сиренов А. В. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Концепция династической монархии в России XVII – первой половины XVIII в.	345
<i>Доронин А. В. (Москва, Россия).</i> Древняя Русь до Древней Руси: М. В. Ломоносов о началах российской нации	358
Об авторах	394